

Лебедев А. П. Греческие школы — общеобразовательные и духовные (церковные) в Константинопольском патриархате турецкого периода: [Из истории Греко-восточной церкви от падения Константинополя в 1453 г. до настоящего времени] // Богословский вестник 1899. Т. 1. № 1. С. 2—38 (2-я пагин.).

Греческія школы — общеобразовательныя и духовныя въ Константинопольскомъ патріархатѣ турецкаго періода ¹⁾.

(Изъ исторіи Грековосточной церкви отъ паденія Константинополя, въ 1453 году, до настоящаго времени)

„Еслибы меня спросили какіе столпы церкви и государства, я отвѣчалъ бы: во первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ третьихъ училища“.

Митрополитъ Паисій Лигаридъ

I

(Свѣдѣнія о литературѣ предмета (въ примѣчаніи).—Степень, на которой стояло образованіе у Грековъ въ продолженіе турецкаго періода греческой церкви,—сѣтованія ихъ по этому случаю на турецкое владычество;—

¹⁾ Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о литературѣ и пособіяхъ относительно, поставленнаго нами въ заголовкѣ, вопроса 1) *Μαυρίλ Γεδεών Χρονικά τῆς πατριαρχικῆς Ακαδημίας* (Маурила Гедеона. „Хроника патриаршей Академіи“, съ пояснительнымъ замѣчаніемъ автора. „Историческія свѣдѣнія о великой національной школѣ“, 1454—1830 года). Константинополь, 1883 Сочиненіе Гедеона, трудолюбиваго и ученаго греческаго писателя нашего времени, должно быть для насъ очень полезнымъ руководствомъ, оно касается очень любопытнаго для насъ предмета и довольно обстоятельно, со всѣми указателями и приложеніями оно заключаетъ въ себѣ 270 страницъ. Къ сожалѣнію, въ греческомъ ученомъ мірѣ книга Гедеона ставится невысоко по ея достоинствамъ, и иногда о ней встрѣчаются очень суровые приговоры. Для ознакомленія со взглядами греческой науки на книгу Гедеона считаемъ умѣстнымъ представить здѣсь нѣкоторыя критическія замѣчанія Матѳея Параники. Замѣчанія Параники на книгу Гедеона напечатаны въ Константинопольскомъ безсрочномъ журналѣ, издаваемомъ греческимъ ученымъ обществомъ *Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος* (рѣдкое изданіе). Статья Параники напечатана въ XIX-мъ томѣ этого изданія, за 188⁴/₅ года. (*Παρανίκας. Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχικῆς σχολῆς, σελ. 1—19.* Параника. О Константинопольской патриаршей школѣ). Вотъ главное со-

необходимыя ограниченія подобнаго рода сѣтованій.—Общеобразовательныя школы.—Школы нисшія или тривіальныя, значеніе послѣдняго термина, общія свѣдѣнія о нихъ, сходство ихъ съ нашими т. н. церковно-

держаніе критическихъ замѣчаній указаннаго ученаго. Гедеонъ очень высоко ставитъ значеніе патріаршей школы для развитія греческаго образованія и готовъ смотрѣть на эту „академію“, какъ на своего рода университетъ. Параника же находитъ, что патріаршая школа въ отношеніи къ первымъ вѣкамъ ея бытія не имѣетъ никакой важности. Школа, говоритъ онъ, въ теченіе несчастныхъ вѣковъ (15, 16 и отчасти 17-го) имѣла только по одному учителю въ то или другое время, учениковъ же въ ней было 5, 6, 8 и много 15. Университетомъ также эта школа никогда не была, прибавляетъ онъ, какъ не есть и теперь. Въ особенноти подробно Параника останавливается на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Гедеономъ, о состояніи школы въ XVI-мъ вѣкѣ. Такъ Гедеонъ приписываетъ чрезвычайно важную роль Теофану Элеавулку, утверждая, что онъ былъ „вселенскимъ арихидидаскаломъ“ школы въ концѣ второй половины XVI-го вѣка. Параника же опровергаетъ сообщеніе Гедеона и пишетъ: „историкъ Дороей Монеувасійскій (XVI в) говоритъ, что Теофанъ Элеавулкъ былъ священно-проповѣдникомъ при храмѣ Хрисопиги въ Галатѣ и имѣлъ учениковъ; но что это за ученики? Это не дѣти въ школахъ, а взрослые іеромонахи и монахи, приходившіе въ его келлію. Феодосій Зигомалъ пишетъ къ тюбингенскому профессору Крузію: „въ Константинополѣ (въ 1597 г.) находились ученики Теофана іеромонахи и монахи, до 30-ти человекъ“ (Turkogracia 216). Но отсюда, замѣчаетъ Параника, видно, что Теофанъ опять-таки училъ не дѣтей и юношей, а приходившихъ къ нему іеромонаховъ и монаховъ; это было въ обычаяхъ древности (какъ было еще и недавно), что одинъ, двое или больше приходили на домъ какого-либо учителя и слушали его“. Пойдемъ далѣе за Параникой. Правда ли, спрашиваетъ онъ, что Леонардъ Миндоній и Симеонъ Кавасила были, какъ утверждаетъ Гедеонъ, преподавателями патріаршей школы (первый съ 1578 года, а второй съ 1577 по 1588) и отвѣчаетъ: нѣтъ и нѣтъ. Что касается Миндонія, то и въ „Туркогреціи“ (Крузія) говорится о немъ другое. А именно, разъясняетъ критикъ, здѣсь говорится, что Миндоній изъяснялъ патріарху Іереміи II-му commentaria Аммонія и риторику Гермогена, а объ Іоаннѣ Зигомалѣ говорится, что онъ изъяснялъ патріарху же діалектику, иеику и риторику. Отсюда Гедеонъ выводитъ заключеніе, что Іеремія сдѣлался ученикомъ патріаршей Академіи и что она, значить, имѣла въ это время блестящую фалангу учениковъ. Но это неправда. Изъ словъ „Туркогреціи“ видно, что патріархъ частнымъ образомъ интересовался указанными авторами и науками и для разъясненія своихъ недоумѣній обращался или къ Миндонію, своему врачу, или же къ Зигомалѣ—и только. А о Симеонѣ Кавасилѣ, пишетъ критикъ, Гедеонъ заявляетъ, что будто онъ подъ руководствомъ Іоанна и Феодосія Зигомалы преподавалъ въ Академіи физико-математическія науки; но въ этомъ случаѣ историкъ академіи просто искажилъ слова „Туркогреціи“ (р. 495 — 500), изъ которыхъ открывается, что онъ преподавалъ лишь, что называется,—rudimenta linguae

приходскими школами, свидѣтельства о тривіальныхъ школахъ XVI-го, XVII—XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—Среднія школы или греческія гимназіи. извѣстія о нихъ Александра Элладія, критическія замѣчанія по поводу

граесае. Подводя итогъ сообщеній Гедеона о второй половинѣ XVI-го вѣка, критикъ замѣчаетъ: перечисляя такихъ (плохихъ) учителей, какъ Кавасила, Мануиль Малаксъ, историкъ патріаршей школы до небесъ возноситъ академію XVI-го вѣка, а учителей и ихъ питомцевъ признаетъ великими *πανοπλίται*, обогащенными божественной и мірской премудростію и ихъ же именуетъ полубогами (*ἡμίθεοι*); и когда—подумаешь—жили эти паноплиты и полубоги, заявляетъ Параника, около 1580—1600 годовъ, когда въ Греціи никто не прилежалъ ни къ книгамъ, ни къ наукамъ“. Съ такою же строгостію Параника разбираетъ результаты книги Гедеона и по отношеніи XVII, XVIII и XIX-го вѣковъ и приходитъ къ тому выводу, что въ разбираемомъ имъ сочиненіи мало новаго и столькоже немного достовѣрнаго—Мы очень благодарны Паранику за то, что онъ предостерегъ насъ отъ увлеченій книгой Гедеона и намѣтилъ для насъ болѣе правильную точку зрѣнія на историческое значеніе пресловутой патріаршей школы Конечно, мы не можемъ обойтись безъ книги Гедеона, но станемъ пользоваться ею съ осторожностію, принимая во вниманіе духъ эпохи, о которой говоритъ историкъ школы, и достоинство свидѣтельствъ, на которыя онъ опирается въ своихъ сообщеніяхъ—2) Chasiotis. L' instruction publique chez les Grecs. Depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu' a nos jours. (Шазіотисъ Общественное образованіе у Грековъ—отъ завоеванія Константинополя Турками до нашего времени). Парижъ, 1881. Авторъ книги лице авторитетное по части предмета его ученой работы; онъ директоръ греческаго лицея въ Перѣ, въ Константинополѣ. Книга посвящена исторіи школъ, но для насъ она полезна только отчасти, потому что больше всего она говоритъ о школахъ греческаго королевства. Тѣмъ не менѣе она можетъ оказать намъ услугу Она устанавливаетъ болѣе безпристрастный и правильный взглядъ на исторію первоначальнаго образованія Константинопольскаго патріархата, богата статистическими данными о количествѣ учениковъ извѣстной школы въ разное время. Такъ авторъ приводитъ подобныя статистическія данныя для богословскаго факультета въ Афинахъ и Ризарьевской семинаріи тамъже, а эти указанія для насъ очень цѣнны, такъ какъ мы должны будемъ коснуться этихъ учебныхъ учреждений въ нашемъ очеркѣ Отсутствіе увлеченій и панигиризма составляетъ основную черту разсматриваемой книги—3) Alexander Helladius Status praesens ecclesiae Graesae (Элладія. Теперешнее состояніе греческой церкви). Петербургъ. 1714 г. Въ этой книгѣ греческаго писателя отведено нѣсколько главъ описанію современнаго состоянія высшихъ и среднихъ греческихъ школъ Свѣдѣнія объ авторѣ и сужденія о достоинствахъ его книги помѣщены въ нашей книгѣ: „Исторія грековосточной церкви подъ властію Турокъ“, т. I, стр. 75—77 Серг. Пос., 1896 Къ извѣстіямъ Элладія мы относились здѣсь скептически; новый просмотръ его книги и вторичная оцѣнка его сообщеній не измѣнили нашего прежняго взгляда на это литературное произведеніе.—4) Проф. Е. Е. Голубинскаго Статья въ журналѣ *Право-*

этихъ извѣстій, вопросъ: какъ высоко онѣ стояли, какъ образовательныя учрежденія, религиозно-учебная сторона въ нихъ;—впечатлѣнія отъ такихъ школъ XIX-го вѣка.—Патріаршая школа или „Академія“.—Возникновеніе ея при первомъ патріархѣ турецкой эпохи, Геннадіи Схоларіи,—свѣдѣнія о двухъ первыхъ учителяхъ школы (XV-го и нач. XVI-го в.), характеристика направленія ихъ мысли;—заботы патр. Діонисія 2-го о благоустроеніи школы и результаты этихъ заботъ (сред. XVI-го в.):—письмо патр. Іоасафа 2-го къ царю Іоанну Грозному съ описаніемъ состоянія школы, критика содержанія письма,—неудовлетворительное положеніе школы въ 70-хъ годахъ XVI-го вѣка,—запустѣніе ея въ концѣ вѣка;—не имѣвшія благихъ послѣдствій заботы о школахъ въ началѣ XVII-го в.—улучшеніе дѣла со временъ патріарха Кирилла Лукариса,—замѣчательнѣйшіе учителя XVII-го в.,—опять запустѣніе:—прозябаніе школы въ I ой полов. XVIII в.,—цвѣтущее, хотя и на краткое время, состояніе ея при Евгеніи Булгарисѣ (сред. XVIII в.),—упадокъ школы къ концу вѣка,—разныя черты изъ внутренней жизни школы въ XVIII вѣкѣ;—замѣчательные учителя въ школахъ XIX-го вѣка,—подробныя свѣ-

славное обозрѣніе: „Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ со времени взятія Константинополя Турками до настоящаго (XIX) столѣтія. I школы (1872, т I). Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ составить возможно полный списокъ школъ, на основаніи тѣхъ книгъ, какія у него были подъ руками. Самой исторіи школъ онъ мало касается, наприм. патріаршую школу описываетъ на трехъ страницахъ А о Патмосской школахъ только упоминается (стр. 714), хотя у автора имѣлись книги, значущія съ исторіей школы. Очевидно, это дѣло не входило въ его планъ. Свѣдѣнія о низшихъ и среднихъ греческихъ школахъ онъ заимствуетъ у Элладія. Литература вопроса съ того времени, какъ писалъ г. Голубинскій, значительно возросла—5) Проф. А. А. Дмитріевскаго Статья въ журналѣ *Труды Кіев. Дух. Академіи*. „Іоанно-Богословскій монастырь на о. Патмосѣ“ (1892, т III). Значительная часть статьи („рѣчи“) трактуетъ о Патмосской школахъ. Статья эта потомъ вошла въ составъ книги автора: „Патмосскіе очерки“ (Кіевъ, 1894), причеиъ собственно изслѣдованіе о школахъ заняло 3-ю главу, подъ именемъ „Патмосская Академія“ (стр. 108—167) Это заслуживающая похвалы работа. Въ основу положены извѣстія русскаго пилигрима XVIII-го вѣка Грингоровича—Барскаго, но онъ иллюстрированъ личными изысканіями автора на Патмосѣ, и сообщеніями, находимыми въ греческой литературѣ послѣдняго времени Почтенный ученый держится очень оптимистическаго взгляда на значеніе школы, но, кажется, возможенъ и нѣсколько другой взглядъ на описанный имъ предметъ.—Другія пособія касательно вышеупомянутыхъ школъ будутъ указаны нами въ своемъ мѣстѣ, въ самыхъ очеркахъ.—6) Что касается духовныхъ школъ, то мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи ни одного опредѣленнаго пособія Приходится пользоваться извѣстіями, разсѣянными въ разныхъ книгахъ, и даже газетахъ (наприм. въ греческой гезетѣ: „Церковн. истина“, „Церк. Вѣдом.“, „Церк. Вѣстникъ“). Къ нашему утѣшенію, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ „уставъ“ Халкинской духовной семинаріи на греческомъ языкѣ

дѣнія о учителяхъ и школахъ Филоеѣ Врѣннѣи (митроп. Никомидійскомъ), — сообщеніе извѣстій о внутреннемъ состояніи школы за XIX ый вѣкъ; — патриаршая школа изъ грязной и неумытой, какою она была еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, позднѣе (недавно) становится со внѣшней стороны подобною дворцу, по увѣренію историка Гедеона).

Школьное образованіе и духовное просвѣщеніе Константинопольской іерархіи и клира, отъ паденія Византіи вплоть до ближайшаго къ намъ времени, представляютъ мало привлекательнаго. Больше всего слышится сѣтованій и жалобъ на недостатки интеллектуальнаго состоянія Греческой церкви. Это и неудивительно; греческое духовенство даже Константинопольскаго патриархата мало показывало заботливости о наилучшемъ положеніи религіозно-научнаго образованія въ своей средѣ.

Съ самыхъ первыхъ поръ порабоженія Грековъ Турками болѣе образованные и просвѣщенные люди предвидѣли, что дѣло просвѣщенія въ Греціи теперь затормозится. Но только напрасно было бы всю вину такого явленія сваливать, какъ обыкновенно дѣлаютъ сами Греки и иноземцы грекофилы, на поработителей греческаго народа: Турки весьма мало препятствовали Грекамъ пещись о насажденіи и развитіи просвѣщенія.

Оплакивая бѣдствія турецкаго порабоженія, первый Константинопольскій патриархъ турецкой эпохи Геннадій Схоларій восклицалъ: „гдѣ теперь у насъ училища мудрости“ (*ποῦ παιδεύτηρια τῆς σοφίας*)¹⁾? Просвѣщенный Эней Сильвій, впоследствии папа Піи II (1458—64 г.) въ своей „рѣчи о Константинопольскомъ пораженіи“ говоритъ: „теперь, когда Турки завладѣли всѣмъ, что нѣкогда держали въ своей власти Греки, боюсь, чтобы не насталъ конецъ греческому образованію“²⁾. Впоследствии же сдѣлалось общимъ правиломъ, что Греки, смотря на упадокъ просвѣщенія у нихъ, изливали свои сѣтованія на Турокъ, какъ на главныхъ виновниковъ въ этомъ случаѣ. Ученый Грекъ изъ Крита (кон. XV в. и нач. XVI) шутилъ: „только немногіе образованные люди спаслись у насъ, какъ нѣкоторая искра отъ прежняго счастливаго времени; прочихъ же и напрасно упрекать за

1) Crussii, Turcograecia, pag 100. Basiliae, 1584

2) Малышевскаго. Мелетій Пигаѣ, патр. Александрійскій, стр. 52. Кіевъ, 1872

то, что они не покупаютъ книгъ и не учатся: они занимаются снискиваніемъ необходимаго пропитанія, стараются выплатить варвару тяжелую подать“¹⁾). Въ такомъ же родѣ встрѣчаемъ жалобы на Турокъ—притѣснителей, какъ на препятствія къ научному преслѣванію Грековъ и у извѣстнаго Θεодосія Зигомолы, просвѣщеннаго греческаго писателя, сподвижника патріарха Іереміи II, Θεодосія, писавшаго во второй половинѣ XVI вѣка къ протестантскому профессору Крузию слѣдующимъ образомъ: „имѣя свое царство, вы имѣете и мудрость. Одно нуждается въ другомъ, какъ тѣло въ душѣ и душа въ тѣлѣ. Мы же, несчастные Греки, въ другомъ положеніи. Съ тѣхъ поръ какъ мы потеряли царство, потеряна нами и мудрость. Долго живя среди варваровъ, мы и сами стали варварами. Нельзя намъ и глазъ поднять по причинѣ множества бѣдствій, нами претерпѣваемыхъ“. „Иго порабощенія наложено агарянами на греческія земли, говоритъ онъ еще, и не остается тамъ мѣста для свободныхъ наукъ, развѣ кой-гдѣ найдется кто-либо ими занимающійся. А причиной этого—то, что Грековъ угнетаютъ бѣдствія и тяжкая нужда снискивать пищу и одежду“²⁾). Въ дальнѣйшія времена Греки постоянно повторяютъ подобныя же іереміады, но останавливаться на нихъ нѣтъ надобности. Со словъ Грековъ тѣ-же рѣчи слышатся и у иностранцевъ—грекофиловъ позднѣйшихъ вѣковъ³⁾).

Какъ судить объ этого рода скорбныхъ извѣстіяхъ греческихъ писателей? Дѣйствительно ли Турки суть виновники малаго процвѣтанія науки у Грековъ въ турецкія времена? Мы очень сомнѣваемся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало претерпѣли преслѣдованій и гоненій первые христіане, во времена владычества языческихъ—римскихъ императоровъ? Тѣмъ не менѣе въ эту эпоху христіанская наука древности достигла быть можетъ высшаго развитія и во всякомъ случаѣ замѣчательнѣйшаго; не тогда ли жили Иринеи, Юлій Африканъ, Тертуллианъ, Климентъ и Оригенъ, Иполитъ, Лукіанъ да и самъ Евсевій... Впрочемъ наше сужденіе пріобрѣтетъ прочность и убѣдительность только тогда, когда

1) Turcogaecia, p. 492.

2) Turcogaecia, p. 94 et seq.

3) Къ числу такихъ филэллиновъ съ правомъ можно относить и г. Малышевскаго, автора сочиненія „Мелетій Пигасъ“ (possim).

мы подтвердимъ его заслуживающими вниманія свидѣтельствами; а въ такихъ свидѣтельствахъ мы не чувствуемъ недостатка. Заимствуемъ эти показанія изъ той самой среды, о которой у насъ идетъ рѣчь. Греческій ученый нашего времени Гедеонъ, изображая состоянiе просвѣщенiя въ Константинополѣ за вторую половину XVI вѣка, пишетъ: „долгъ историка не пропустить слова благодарности со стороны школы, церкви и народа нашего (греческаго) и по отношенiю къ нашей власти (турецкой), которая *никогда* не ставила препятствiй народному образованiю, и даже болѣе — въ послѣдующiя времена поддерживала у насъ интеллектуальное движенiе (*τὴν πνευματικὴν κίνησιν*) и особенно дѣло обученiя въ патриаршей Академiи“ въ Константинополѣ ¹⁾. Можно, конечно, подумать, что Гедеонъ, издавая свою книгу, изъ которой мы заимствуемъ указанiе, въ столицѣ Турцiи, желалъ польстить преобладающей мусульманской власти; но такое мнѣнiе едва ли заслуживаетъ уваженiя. Едва ли Турки прочтутъ такое специальное сочиненiе, какъ сочиненiе Гедеона; да и помѣщено это указанiе не на такомъ видномъ мѣстѣ, чтобы обратить на себя вниманiе. Намъ представляется, что, пиша вышеприведенныя строки, Гедеонъ говоритъ какъ безпристрастный „историкъ“, который не встрѣчалъ въ исторiи Константинопольской церкви фактовъ, свидѣтельствующихъ о враждебности Турокъ въ отношенiи къ греческому просвѣщенiю, да подобныхъ фактовъ, кажется, и на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Затѣмъ прислушаемся къ одному голосу, относящемуся къ XVIII вѣку и принадлежащему нѣкому патриарху восточной церкви (впрочемъ не Греку). Въ полуофициальной запискѣ, представленной имъ въ 1771 году русскому начальству, значилось: „такъ какъ въ странахъ Грековъ съ самаго завоеванiя не было воиновъ противъ Турокъ, то Греки вполне уладили свои отношенiя къ Туркамъ, которые смотрятъ на нихъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ. У Грековъ, поэтому, повсюду есть свои школы и они могутъ учиться по книгамъ, гдѣ кому угодно. Всюду Турки не запрещаютъ ученiе въ греческихъ школахъ“ ²⁾

¹⁾ *Γεδων. Χρονικὴ τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας, σελ 52*

²⁾ Костагина Цареградская патриархiя и православiе въ европейской Турцiи Переводъ, стр 24—26. Петерб. 1896

Наконецъ, въ самое недавнее время въ одномъ торжественномъ засѣданіи въ Константинополь, такъ сказать въ слухъ патріарха и прочихъ Грековъ, возвѣщалось: „долженъ разсѣяться предразсудокъ, будто Турки вводили въ принципъ уничтоженіе образованія среди покоренныхъ ими народовъ. Наоборотъ, Турки дорожили просвѣщеніемъ подвластныхъ имъ народовъ и сохранили почти неприкосновеннымъ то, что у нихъ нашли“¹⁾.

Слѣдовательно, если въ разсматриваемыя времена просвѣщеніе не достаточно процвѣтало у Грековъ, то отвѣтственность за это болѣе всѣхъ должны нести сами же они.

Сообразно церковно-историческимъ задачамъ, которыя мы имѣемъ въ виду, намъ слѣдуетъ сказать о тѣхъ школахъ, какія приготовляли или могли готовить греческихъ дѣтей и юношей къ прохожденію собственно пастырскаго служенія въ Константинопольскомъ патріархатѣ. До половины XIX-го вѣка здѣсь не существовало сколько-нибудь значительныхъ школъ въ родѣ нашихъ духовныхъ семинарій и тѣмъ менѣе въ родѣ духовныхъ академій съ ихъ строго-опредѣленнымъ назначеніемъ; почему пастыри церкви здѣсь въ теченіе сейчасъ указаннаго времени подготовлялись къ своей должности въ школахъ, имѣвшихъ цѣлю давать общее образованіе греческимъ ученикамъ.

Къ сожалѣнію, и эти школы для народнаго образованія не отличались особеннымъ благоустроеніемъ. Хотя Константинопольскій патріархатъ и не былъ бѣденъ подобными школами, но научное образованіе въ нихъ стояло на очень невысокой степени, было вообще очень недостаточно. И отвѣтственность за это лежитъ главнымъ образомъ на патріархѣ, такъ какъ по турецкимъ государственнымъ законамъ учрежденіе греческихъ школъ и надзоръ за ними на ряду со многими другими функціями принадлежатъ патріарху²⁾.

1) Изъ реферата, прочитаннаго въ русскъ археологическомъ институтѣ въ Константинополь. „Церк. Вѣдомости“, 1897 г., № 29, стр. 1006

2) Проф. Бердниковъ въ статьѣ: „Церковное право Православной церкви“ пишетъ: „православная община (церковь) въ Турціи имѣетъ право открывать школы и вести въ нихъ преподаваніе безъ всякаго контроля со стороны правительства. Внутреннее управленіе школами, подвѣдомыми Константинопольской патріархїи, принадлежитъ самой патріархїи и ввѣрено патріаршему учебному комитету. Этотъ комитетъ завѣдуетъ учреж-

Самую важную услугу духовному образованію, какъ разсадникъ пастырей церкви, оказали такъ называемыя нисшія (первоначальныя) школы, которыя носили имя тривіальныхъ—*triviales*. Странное наименованіе это ведетъ свое начало изъ временъ глубокой древности и возникло такъ: въ древнемъ Римѣ былъ обычай устроить школы на перекресткахъ улицъ—*in triviis*. Поэтому всѣ вообще элементарныя школы въ греко-римскомъ мірѣ стали называться: *triviales*. Греческія школы этого рода первоначально заводились при храмахъ епископскихъ, вслѣдствіе потребности имѣть грамотныхъ священниковъ, а потомъ и вообще при храмахъ, въ цѣляхъ удовлетворенія потребности первоначальнаго христіанскаго образованія. Причемъ часто и самый храмъ отводился подъ школу, но конечно въ томъ случаѣ, если не имѣлось другаго зданія, которое могло бы быть употреблено для данной цѣли. Такое обращеніе храма въ училище, хотя и не противорѣчитъ церковнымъ правиламъ (см. Трульскаго собора пр. 88), тѣмъ не менѣе обычай свидѣтельствуетъ о плохомъ положеніи первоначальнаго образованія. Такъ какъ училище помѣщалось при храмѣ и въ храмѣ, то въ связи съ этимъ и учителемъ чаще всего былъ мѣстный священникъ (или даже монахъ), но, разумѣется, были и такія первоначальныя школы, въ которыхъ учителемъ состояло отдѣльное лице. Значеніе этихъ школъ заключалось въ томъ, что ихъ могло быть много, что онѣ могли возникать не только въ городахъ, но и селеніяхъ. Разсматриваемыя школы смѣло могутъ быть названы современнымъ выраженіемъ: „церковно-приходскія школы“. Программа преподаванія въ школахъ тривіальныхъ была очень несложна: послѣ того какъ мальчики научались чтенію и письму, они изучали, т. е. научались читать, октоихъ Дамаскина, Псалтирь Давида, затѣмъ Дѣянія и Посланія Апостольскія и наконецъ тріодъ и часословъ вмѣстѣ съ Пятокнижіемъ и пророческими книгами; ко всему этому присоединялось изученіе и ариметки. Школьный день (и дѣти оставались въ школѣ цѣлый день)

денемъ школъ въ столицѣ и провинціяхъ, испытываетъ способности и качества лицъ, принимающихъ на себя дѣло обученія, разсматриваетъ отчеты о состояніи школъ, разсматриваетъ и одобряетъ къ употребленію въ школахъ учебники и учебныя пособія“ и проч (Православный Соборъ свѣдѣнъ, 1890 г., т. II, 128—129)

заканчивался совершеиіемъ общей молитвы. Кромѣ другихъ молитвъ, читали: „прійдите поклонимся“, 104 псаломъ („Исповѣдайтесь Господеви“) ¹⁾ и т. п. Вышеуказанная программа проходила у учениками не въ годъ или въ два, но въ пять и болѣе лѣтъ. Разсматриваемыя школы Греки иронически иногда называли келлейными или монашескими, принимая во вниманіе общій характеръ и преподаванія и церковный санъ большинства учителей въ нихъ ²⁾. Какъ бы то ни было школы тривіальныя очень удобно могли приготавливать, если не блестящихъ образованіемъ, то во всякомъ случаѣ истовыхъ священниковъ, навѣвшихъ обращаться съ богослужебными книгами и умѣвшихъ, вѣроятно, пѣть.

Если бы эти школы находились въ вѣдѣніи опытныхъ и знающихъ свое дѣло учителей и если бы они отличались благоустройствомъ, то къ нимъ можно было бы относиться только съ похвалою; но этого никогда не было: первоначальныя школы далеко отставали отъ своего идеала, даже скромнаго идеала. Вотъ свидѣтельство относительно школъ тривіальныхъ изъ второй половины XVI-го вѣка. Ученый нѣмецкій пасторъ Герлахъ, посѣщавшій въ это время Константинополь, въ маѣ 1576 года писалъ слѣдующее: „въ цѣлой Греціи науки нигдѣ не процвѣтають. Академій и публичныхъ профессоровъ не имѣется; существуютъ лишь школы тривіальныя, въ которыхъ дѣти учатся читать часословъ, октоихъ, Псалтирь и другія книги, употребительныя при богослуженіи. Но однако между священниками и монахами найдешь развѣ очень немногихъ, разумѣющихъ эти книги. Если учитель получаетъ жалованье, то оно ничтожно; а священники (за обученіе дѣтей) получаютъ плату отъ учениковъ“ ³⁾. Панегиристъ греческихъ школъ Элладій, писавшій въ началѣ XVIII-го вѣка и тотъ проговаривается, давая

¹⁾ Псаломъ этотъ своимъ содержаніемъ, какъ намъ кажется, долженъ былъ внушать греческимъ отрокамъ мысль о турецкой тиранніи и пробуждать въ нихъ стремленія къ освобожденію изъ такого положенія; но держація власти, конечно, и не догадывались объ этомъ... ..

²⁾ Первоначальныя греческія школы подробно описаны Элладіемъ въ его извѣстномъ сочиненіи: *Status praesens ecclesiae Graecae*, p. 21—27 (С.-Петербург., 1714). Страницы эти въ переводѣ можно находить въ статьѣ проф. Е. Е. Голубинскаго: *Правосл. Обзор.*, 1872, т. I, 726—730

³⁾ *Turcograecia*, p. 205 Conf 246.

знать, что хвалимыя имъ первоначальныя школы могли бы быть лучше, когда говорить объ ученикахъ этихъ школъ, что они изъ школы „летятъ домой, какъ выпущенныя изъ тюрьмы“ (*tanquam ex carcere liberati*). Дѣти стремглавъ неслись домой не только потому, что школьная программа, какъ слишкомъ однообразная, была очень скучна, но и потому, что въ школѣ царила розга. По краспорѣчивому выраженію самого Эллиадія, „пруть игралъ роль скипетра въ рукахъ учителя“, который при содѣйствіи этого скипетра не только управлялъ ученіемъ, но и дѣтскими забавами¹⁾. Нужно сказать, что греческіе учителя придавали какое-то особенное и даже мистическое значеніе этому своему скипетру. Нѣкоторые изъ этихъ учителей, наказывая школьничковъ за лѣнь и шалости, въ утѣшеніе ихъ говорили: „палка изъ рая вышла“²⁾. Не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ не очень пріятныхъ условій школьнической жизни тѣхъ временъ могло быть и то, что въ нѣкоторыхъ первоначальныхъ школахъ заставляли заучивать наизусть часословъ³⁾—занятіе обременительное..... Впрочемъ нѣтъ надобности особенно много пускаться въ догадки, почему школа казалась мальчикамъ чѣмъ-то въ родѣ тюрьмы, по Эллиадію. Мы хорошо знаемъ, даже что въ болѣе позднія времена первоначальная греческая школа весьма мало оправдывала свое назначеніе. Послушаемъ, что говоритъ знатокъ греческой жизни и греческихъ школъ, директоръ греческаго лицея въ Перѣ, авторъ сочиненія: *l'instruction publique chez les Grecs*. „Въ теченіе долгаго періода (1453—1821 г.) большая часть школьныхъ учреждений были школами, извѣстными подъ именемъ *scholae triviales* (*σχολαί τριβάλεα*), т. е. — обавляетъ онъ — общихъ элементарныхъ школъ, гдѣ обученіе держалось не на высокомъ уровнѣ; оно ограничивалось чтеніемъ церковныхъ книгъ, умѣніемъ считать и писать. Но по правдѣ сказать, замѣчаетъ авторъ, въ эти времена не существовало учреждений, спеціально назначенныхъ для первоначальнаго образованія. Такими мѣстами служила или внутренность храма, при чемъ учитель или приходскій священникъ, или даже

1) Helladius, p. 22—23.

2) Леонтьева. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Т II, стр. 177. М. 1876

3) Пречекъ. Исторія Болгарь, стр. 654. Переводъ Одесса, 1878

ремесленникъ въ родѣ портнаго, а то и сапожника, окруженный многочисленными учениками, оглашаетъ своды святилища громкимъ и медленнымъ чтеніемъ; или же мѣстомъ для школы служилъ монастырь, которыхъ тогда было очень много и въ которыхъ учащееся юношество находило себѣ убѣжище. Не должно думать—присовокупляетъ авторъ,—что во всѣхъ первоначальныхъ школахъ порядокъ ученія былъ одинъ и тотъ же; обученіе видоизмѣнялось, смотря по способностямъ и степени образованія учителя“. Характеризуя первоначальное образованіе изучаемой эпохи, тотъ же авторъ попутно указываетъ слѣдующую подробность быта малолѣтнихъ школяровъ. „Ученики вечеромъ предъ тѣмъ, какъ уйти изъ школы, всѣ вмѣстѣ по-гречески поютъ кантъ, въ которомъ между прочимъ говорится: „человѣкъ неученый подобенъ бесплодному дереву, гораздо лучше украшаться образованіемъ, чѣмъ обладать золотомъ и серебромъ“. Во всякомъ случаѣ—любопытная подробность! Свой очеркъ состоянія разсматриваемыхъ школъ ученый изслѣдователь заканчиваетъ слѣдующими словами: „такое было состояніе элементарныхъ школъ до начала XIX-го вѣка. Онѣ мало процвѣтали. Монахи и епископы очень мало занимались ими. Наставники получали ничтожное жалованье и были малообразованы: они были простыми приставниками (*gardiens*) при дѣтяхъ,—они—эти священники, привратники и ремесленники. Когда во Франціи народное образованіе улучшилось благодаря Ланкастерской системѣ, тогда по введеніи этой системы у Грековъ дѣло нѣсколько улучшилось (это было въ нач. XIX-го вѣка). Георгій Клеовуль изъ Филиппополя сдѣлался первымъ проводникомъ взаимнаго обученія среди греческаго народа. Но эти учрежденія все еще были малочисленны до 1821 года, и большая часть элементарныхъ школъ, находясь вдали отъ большихъ городовъ и имѣя во главѣ ихъ невѣжественнаго учителя, оставались въ прежнемъ состояніи“. Вообще, по словамъ цитируемаго ученаго, „первоначальное образованіе было и неудовлетворительно и мало распространено; народъ былъ погруженъ почти въ полное невѣжество“¹⁾.

¹⁾ Chastiotis. L'instruction publique chez Grecs: depuis la prise de Constantinople par les Turcs jusqu'à nos jours, p 14—16. 20 22—24 Paris, 1881

Впрочемъ, можетъ быть, послѣ сейчасъ указаннаго времени дѣло школьнаго образованія въ Константинопольскомъ патріархатѣ улучшилось. Но въ это время въ названномъ патріархатѣ появляются собственно духовныя школы и первоначальныя школы стали имѣть второстепенное значеніе для образованіе пастырей церкви. А много ли улучшились эти послѣднія школы въ теченіе XIX-го вѣка, касательно этого возможны нѣкоторыя сомнѣнія. Въ одномъ греческомъ учебномъ изданіи въ 70-хъ годахъ, въ статьѣ „о народномъ образованіи у насъ (Грековъ) отъ взятія Константинополя до нашего времени“, ученый греческій авторъ, нарисовавъ печальную картину первоначальнаго образованія въ прежніе вѣка („глубокая тьма покрыла нашу священную землю—говоритъ онъ—вездѣ училища были и малы и бѣдны“), затѣмъ пишетъ: „надѣмся (только еще: надѣмся!), что уже приближается тотъ счастливый день, когда народное воспитаніе и у насъ покажетъ себя достойнымъ какъ великихъ педагогическихъ преданій нашихъ предковъ, такъ и той эпохи, въ которую мы живемъ“¹⁾. Sic! Значитъ, дѣла поправляются плохо—и наблюдателемъ приходится питаться сладкими мечтами.

Насколько удовлетворительны были въ прошедшіе вѣка такъ называемыя тривіальныя школы, послѣ предъидущихъ фактовъ и извѣстій это становится достаточно ясно. Итѣмъ не менѣе изъ этихъ-то школъ больше всего и выходило греческихъ священниковъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

Рядомъ съ разсмотрѣнными нами тривіальными школами въ томъ же патріархатѣ существовали среднія школы или гимназіи.—Онѣ, по словамъ преосв. Порфирія (Успенскаго)²⁾, устраивались на частныя средства православнаго населенія городовъ. Сюда поступали мальчики по окончаніи ученія въ тривіальномъ училищѣ. Эти гимназіи описаны писателемъ начала XVIII-го вѣка не разъ нами упомянутымъ гре-

¹⁾ Журналъ: *Ἡ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος* (какъ уже замѣчали, очень рѣдкое изданіе). *Τόμος* 8. статья *Χασιότου* (Не одно ли это лице съ вышецитированнымъ Перскимъ директоромъ: Chassiotis?). *Περὶ τῆς παρ' ἡμῶν ἐκπαίδευσεως κ. λ.* (1873—1874 г.), σελ 96. 129

²⁾ Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, стр. 80. Петерб., 1891.

комъ Александромъ Элладіемъ. Послѣдній истощается въ похвалахъ подобнымъ школамъ; а перечисляя различныя науки, ставитъ свои гимназіи такъ высоко, что мы должны были бы греческія гимназіи XVII-го и начала XVIII вѣка уравнивать и даже ставить выше нынѣшнихъ русскихъ гимназій. Но, очевидно, Грекъ-писатель изъ патриотизма сильно приукрасилъ дѣйствительность. По словамъ Элладія тутъ изучали не только грамматику, но вполне ознакомлялись съ письмами Василія Великаго, Григорія Богослова, Синезія Птолемаидскаго (т. е. съ наиболѣе трудными патристическими твореніями), но и изучали Аристофана, Эврипида, Софокла, Пиндара, Гомера; мало того: риторiku, логику, метафизiku, иѳику; и этого мало: еще и свящ. Писаніе, отчасти патристику и историковъ, какъ древнихъ свѣтскихъ (Фукидида), такъ и древне-церковныхъ (Евсевія, Сократа) 1). Если бы такія школы дѣйствительно существовали у Грековъ назадъ тому 200 лѣтъ, то дѣло образованія стояло бы у нихъ чрезвычайно высоко, но этого не видно. А главное самъ Элладій и нѣкоторые другіе писатели ясно даютъ разумѣть, что эти школы, по крайней мѣрѣ въ то время, какое описываются у вышеупомянутаго Грека, были поставлены въ такія условія, при которыхъ онѣ не могли быть блестящими. Относительно греческихъ гимназій намъ говорятъ, что благодаря прекрасному климату Греціи гимназія не нуждалась въ благоустроенномъ зданіи, а могла существовать подъ тѣнью любяго вѣтвистаго дерева 2). Но само по себѣ понятно, что правильно-организованнаго училища, въ родѣ дѣйствительныхъ гимназій подъ открытымъ небомъ, существовать не можетъ. Далѣе—Элладій говоритъ, что учебныхъ книгъ въ гимназіяхъ не было, а что ученики собственноручно списывали учебники. Опять: не признакъ благоустроенной школы. Далѣе—на всѣ классы извѣстной гимназіи нерѣдко существовалъ, по тому же Элладію, одинъ и единственный учитель: этотъ послѣдній ходилъ изъ класса въ классъ и училъ гимназистовъ всѣхъ классовъ заразъ всѣмъ наукамъ; а это—дѣло трудное и мудреное, которое не можетъ съ не-

1) Helladii, p. 42—43. 54—55. 59—60. См. также статью проф. Е. Е. Голубинскаго: *Правосл. Обзоръ*, 1872, т. I, 716—722

2) См. сейчасъ упомянутую статью въ *Правосл. Обзоръ*, стр. 722.

сомнѣннымъ успѣхомъ выполнять даже самый ревностный и свѣдущій наставникъ. Наконецъ, такихъ свѣдущихъ наставниковъ въ гимназіяхъ XVII вѣка едва ли было много; потому что учителя въ этихъ гимназіяхъ такъ скудно были вознаграждаемы за свои труды, что они бѣжали изъ нихъ, если имъ обѣщали за тѣ-же труды въ другой странѣ 1000 грошей (піастровъ), т. е. 55 рублей вознагражденія. (Разумѣемъ дѣйствительный случай изъ эпохи XVII-го вѣка) ¹⁾. Значитъ, гимназіи эти не могли имѣть хорошихъ учителей. Нельзя конечно отрицать, что гимназіи, и притомъ недурныя въ научномъ отношеніи, встрѣчались у Грековъ, но ихъ могло быть такъ мало, что онѣ должны были представлять счастливое исключеніе. Да и притомъ остается еще вопросъ: служили ли онѣ интересамъ духовнаго просвѣщенія, давали ли кандидатовъ на священство? Правда, Элладій, какъ онъ говоритъ, зналъ одного ученика гимназіи, который составилъ похвальное слово на праздникъ пророка Ілии, смастеривъ его изъ однѣхъ фразъ языческихъ писателей Лукіана и Аристофана, но это скорѣе курьёзъ, чѣмъ какое-либо доказательство, могущее указывать на пользу этихъ гимназій для духовнаго просвѣщенія. Важнѣе, конечно, то, что, по словамъ Элладія, въ разсматриваемыхъ школахъ имѣли мѣсто уроки по богословію, которые хотя изрѣдка преподавались даже мѣстнымъ епископомъ; но простирались ли эти уроки на дѣлѣ дальше простаго катихизиса — изъ словъ Элладія не достаточно видно ²⁾. Во всякомъ случаѣ воспитанники греческихъ гимназій обыкновенно избирали для себя свѣтскія профессіи, заканчивая для большаго успѣха курсъ даже за границей. Итакъ, мы полагаемъ, что гимназій съ такимъ блестящимъ курсомъ, какъ описываетъ Элладій, или совсѣмъ не было въ XVII-мъ и началѣ XVIII-го вѣка, или если онѣ и встрѣчались, то въ видѣ исключенія. Вообще многозначительнымъ наименованіемъ — гимназія нельзя слишкомъ обольщаться, когда это названіе встрѣчаемъ въ извѣстіяхъ, относящихся къ Константинопольскому патріархату, ибо здѣсь даже въ первой половинѣ XIX-го

¹⁾ *Σάθρα Νεοελληνική φιλολογία: Βιογραφία τῶν διαλαμψάντων Ἑλλήνων*, σελ. 377. Аѳины, 1868.

²⁾ *Helladii*, p. 54. 58.

вѣка гимназіями, по увѣренію туземныхъ наблюдателей, назывались и такія школы, которыя „на самомъ дѣлѣ были хуже уѣздныхъ училищъ и которыя справедливо можно называть приходскими училищами“¹⁾.—Впрочемъ мы не можемъ похвалиться обиліемъ свѣдѣній о греческихъ гимназіяхъ позднѣйшаго времени, т. е. XIX-го столѣтія. Но если что и знаемъ, то это же служитъ къ славлѣ разсматриваемыхъ учебныхъ заведеній. Одинъ русскій путешественникъ въ 60-хъ годахъ, изучая страну Румелійскую, посѣтилъ тамъ Янинскую гимназію, „эту—какъ выражается онъ—купель (?) возродившагося на нашихъ глазахъ эллинизма“ и нашелъ зданіе, гдѣ помѣщалась „именитая“ гимназія, „сырымъ, темнымъ и неумытымъ“. „Здѣсь, по словамъ путешественника, никто не думаетъ обитель музъ сдѣлать привлекательною, заманивающею однимъ своимъ видомъ къ себѣ юное воображеніе, а съ нимъ и сердце. Наукѣ, какъ Иракловой неодѣтой истинѣ, предоставляется, какъ видно, тутъ самой завлекать любознательную юность. И что-же? Она дѣйствительно стремится такъ сказать безъ оглядки туда, гдѣ я, даже однихъ съ нею лѣтъ будучи, безъ тоски не просидѣлъ бы и 10 минутъ“. Единственно за что желалъ бы похвалить эту гимназію нашъ путешественникъ—это за отсутствіе въ ней всякой формалистики. Янинская гимназія „по сравненію съ Аѳинскими учебными заведеніями казалась, по выраженію описателя, историческою ветошью“²⁾. Другой русскій ученый путешественникъ 40-хъ годовъ, на основаніи обстоятельныхъ наблюденій надъ состояніемъ греческихъ училищъ (въ Болгаріи) заявлялъ: „кругъ ученія греческихъ гимназій довольно обширенъ, но одностороненъ. Направленіе ученія риторическое. Школьная любовь къ эллинизму, безъ послѣдовательнаго изученія его, довольствующаяся отрывками, пораждаеть лишь ограниченное, одностороннее образованіе, близкое къ невѣжеству. Слѣдствіемъ этого бываетъ педантизмъ, напыщенность—отъ смѣшнаго желанія примѣшивать къ простому разговору древнія эллинскія фразы, и наконецъ презрѣніе къ обыкновенному, но полезному знанію. Дида-

¹⁾ Петрова, проф. Начало греко-восточной распри, стр. 9 Кіевъ, 1886.

²⁾ Архиманд. Антонина, покойнаго начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ. „Изъ Румелии“, стр. 275 С.-Петербургъ, 1886.

скаламъ кажется лучшимъ затвердить на показъ кое-что о состояніи страны (Греціи?), какое существовало за 2000 лѣтъ, чѣмъ, оставивъ притязаніе на знаніе древности, ознакомиться съ современнымъ его положеніемъ. Византійское высокомеріе, признающее достоинства человѣка лишь въ видѣ Грека, продолжаетъ посягать между христіанами самыя не гуманныя понятія“¹⁾. Вообще сущность греческаго образованія, по увѣренію того-же свидѣтеля, сводится къ слѣдующему: „стоитъ только умѣть забрасывать (древне) греческими фразами, чтобы перестать быть невѣжей“²⁾. Значитъ, „сырыя и темныя“ помѣщенія греческихъ гимназій ктому же давали перѣдко и въ нашъ вѣкъ подлинно—превратное образованіе своимъ питомцамъ. Но, конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія: вѣроятно, существуютъ въ Турецкой Греціи и вполне отвѣчающія своей задачѣ гимназіи. Во всякомъ случаѣ наименование: гимназіи въ приложеніи къ этимъ учрежденіямъ въ разсматриваемой странѣ могутъ говорить уму и сердцу историка и очень много, и очень мало.

Сообщимъ свѣдѣнія о тѣхъ школахъ общеобразовательнаго типа въ Константинопольскомъ патріархатѣ, которыя получили громкое имя Академій.

Здѣсь первое мѣсто должна занять патріаршая Константинопольская Академія, которая также называется великою народною школою, общей народною школою или же великимъ народнымъ музеемъ. Правильнѣе и проще будетъ называть её: патріаршей школою.

Патріаршая школа существовала во все время турецкаго владычества, начиная отъ паденія Константинополя (въ 1453 г.) и существуетъ въ настоящее время. Судьба ея въ разные періоды ея существованія была различна. Но всегда она находилась подъ особеннымъ ближайшимъ наблюденіемъ

¹⁾ Мало того: „не гуманныя понятія“,—надменіе эллинизмомъ доводитъ Грековъ до прямого богохульства Разъ одинъ греческій архіерей, въ недавнее время, взялъ темой своей публичной лекціи: значеніе эллинизма для христіанства, и въ этой лекціи между прочимъ, но не случайно, употребилъ такую фразу. „не будь эллинизма, христіанство осталось бы простой еврейской сектой“ (!). (Архиманд. Сергія). „Изъ церковно-религіозной жизни Греціи“ *Церковный Вѣстникъ*, 1896 г. № 48, стр. 1568.

²⁾ Проф. Григоровича. Очеркъ путешествія по европейской Турціи, стр. 198—199. Казань, 1848.

и управленіемъ Константинопольскаго патріарха, почему и называется „патріаршею“. Число наставниковъ въ ней не всегда было одинаково. Большею частію, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка ея существованія, она имѣла одного наставника, но бывало такихъ и по нѣскольку заразъ и школа пріобрѣтала видъ благоустроеннаго учрежденія. Нѣтъ надобности доказывать, что въ настоящее время она вполне носитъ характеръ благоустроенія. Нѣкоторые изъ преподавателей патріаршей школы достигли исторической пзвѣстности талантомъ преподаванія, учеными заслугами или заслугами для церкви. Наболѣе заслуженнымъ изъ наставниковъ, по волѣ патріарховъ, давались видныя должности хартофилакса, великаго ритора, дикеофилакса, логоѳета, протонагарія и пр., и усвоивался пышный титулъ: „ипата (т. е. главы) философъ“. Наставники школы нерѣдко были совѣтниками патріарховъ по труднымъ вопросамъ церковнаго управленія. Греческіе писатели увѣряютъ, что существовалъ обычай, вслѣдствіе котораго на мѣста наставниковъ школы призывались почти всегда питомцы этой-же школы. Изъ числа учителей школы нѣкоторые — и это случалось нерѣдко—достигали архіерейскихъ кафедръ. Число учениковъ, какъ само по себѣ понятно, въ разное время было неодинаково. Иногда оно спускалось до нѣсколькихъ единицъ, а иногда подымалось до сотенъ. Изъ числа учениковъ школы иные впоследствии занимали патріаршій престолъ самой Великой церкви. Нельзя утверждать, что школа существовала непрерывно. Отсутствіе какихъ бы то ни было извѣстій о школѣ за то или другое время изъ прожитаго періода ея, повидимому, указываетъ, что правильное теченіе школьнаго преподаванія иногда прерывалось. Это было во время смуть въ Константинопольской церкви, или во время очень большаго упадка образованности въ ней-же. Направленіе школы было всегда консервативное: къ западной наукѣ съ ея повшествами и открытіями относились въ школѣ съ большей опаской, даже съ излишней опаской. Матеріальное состояніе школы большею частію было не блестящее. Бывали случаи, когда школа помѣщалась буквально въ лачугѣ, имѣла чуть не нищаго учителя; къ сожалѣнію, такое состояніе школы не было рѣдкимъ исключеніемъ. Впрочемъ въ настоящее время школа помѣщается въ прекрасномъ зданіи въ Константинополѣ,

которое Греки съ гордостью именуютъ „дворцемъ“. Всѣ эти извѣстія и указанія мы постараемся въ дальнѣйшей рѣчи подтвердить соотвѣтствующими историческими фактами и авторитетными свидѣтельствами.

Патріаршая школа открыта была еще при первомъ Константинопольскомъ патріархѣ турецкаго періода, знаменитомъ Геннадіи Схоларіи. Первымъ наставникомъ этой школы считается Матѳей Камаріотъ. Онъ родился въ Константинополѣ въ началѣ XV-го столѣтія. Есть основаніе думать, что должность преподавателя Камаріотъ имѣлъ и въ концѣ Византійскаго періода Константинопольской церкви: по одному, не лишенному значенія свидѣтельству, онъ былъ наставникомъ самого Геннадія въ юности и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ греческихъ юношей въ 1435 и слѣдующихъ годахъ. Поэтому, неудивительно, если по открытіи патріаршей школы патріархомъ Геннадіемъ въ Константинополѣ, Камаріотъ становится во главѣ ея, въ качествѣ въ одно и то же время и учителя и начальника въ ней ¹⁾. Такъ какъ Камаріотъ, какъ думаютъ, умеръ въ 1490 году, то очень вѣроятно, что онъ исполнялъ должность наставника, не смотря на потерю зрѣнія подъ старость, чуть-ли не до самой его смерти. Быть можетъ непосредственнымъ преемникомъ Камаріота по должности преподавателя въ школѣ сдѣлался Мануиль Коринескій изъ Пелопониса, почему онъ называется также и пелопонисцемъ. Родился онъ около середины XV-го вѣка, съ мѣста родины (Пелопониса) онъ прибылъ въ Константинополь и былъ ученикомъ Камаріота. Потомъ онъ зачисленъ былъ въ штатъ патріархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался наставникомъ въ патріаршей школѣ, вѣроятно же всего по смерти Матѳея Камаріота ²⁾. Мануиль Коринескій прожилъ долго, около ста лѣтъ, и пребылъ учителемъ школы до перваго патріаршествованія Іереміи I-го (1520—22 г.), а, можетъ быть, оставался въ той-же должности нѣсколько лѣтъ и позже этого времени. Перечислять сочиненія Камаріота и Мануила Коринескаго не станемъ (какъ не станемъ

¹⁾ Γεδεών. *Χρονικά τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας*, σελ. 30. 32—34. Crusii. Turcograecia, p. 187.

²⁾ Γεδεών, σελ. 38 41. При этомъ случаѣ Гедеоны говорятъ о тѣхъ должностяхъ, какія давались отъ патріарха учителямъ школы въ знакъ награды и отличія

этого дѣлать, ведя разсказъ и о другихъ наставникахъ школы), признавая это дѣло бесполезнымъ. Обратимъ лучше вниманіе на одно явленіе, которое намъ кажется довольно характеристическимъ для названныхъ нами этихъ двухъ лицъ. До нашего времени дошло небольшое сочиненіе Мануила Коринѣскаго: „о богочначальномъ мановеніи“¹⁾, по поводу нѣкоторыхъ разсужденій Матѳея Камаріота. Сочиненіе это даетъ возможность остановить наше вниманіе на отношеніяхъ Мануила къ Камаріоту, потому что въ указанномъ сочиненіи есть нѣкоторые ясные намеки на эти отношенія. Мануиль пишетъ, что онъ составилъ свое сочиненіе для того, чтобы „освободить душу свою отъ терзаній“, а такія терзанія причиняли Мануилу, какъ оказывается, сужденія и воззрѣнія Камаріота. „Я терзаюсь въ душѣ—говоритъ авторъ—слыша, что превосходнѣйшій мужъ (Камаріотъ) неосмотрительно отвергаетъ изложенное художественно и богомудренно нашими свят. отцами и рѣшается такъ сказать нѣсколько прикрывать тѣхъ изъ давнихъ эллинистовъ, которые въ писаніяхъ святыхъ отцевъ пытались находить примѣсы противорѣчія и невѣжества“. Въ чемъ же дѣло? Оказывается, что по мнѣнію Мануила, Камаріотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подобно инымъ давнимъ философамъ (Симпликію), осмѣливается „безъ околичностей“ упрекать составителей церковныхъ пѣсней частію въ противорѣчія очевидности, частію въ невѣжествѣ. Именно, по словамъ Мануила, Камаріотъ, не одобряя нѣкоторыя другія церковныя пѣсни, въ особенности нападалъ на одну стихиру въ честь Успенія Богородицы, начинающуюся словами: „По мановенію Божію, отовсюду богоносни апостоли“ и утверждалъ, что нѣкоторыя выраженія въ этой стихирѣ употреблены „не въ надлежащемъ смыслѣ“. Камаріотъ подвергалъ критикѣ слѣдующія выраженія въ этой церковной пѣснѣ. Именно выраженіе: „превышшія небесныя силы съ Своимъ Владыкою (т. е. Христомъ) пришедше, пречистое тѣло (Богоматери) провозждаху, . . . превыше же міра идяху и вопіяху горнѣйшимъ чиномъ нача-

¹⁾ „Великаго ритора Мануила Пелопонесца отвѣтъ Геропсалту о Богочначальномъ мановеніи, гдѣ то есть буквально понималъ господинъ Матѳей Камаріота“. Греческій оригиналъ и переводъ. Изданіе преосвящ. Арсевія епископа Кирилловскаго Москва, 1894

діямъ—онъ признаетъ „совсѣмъ непонятнымъ“. Онъ задавалъ вопросъ: зачѣмъ послѣ упоминанія о „превысшихъ силахъ“ (т. е. ангелахъ) указывается еще на „горнѣйшія“ силы (т. е. на ангеловъ)? По поводу другаго выраженія пѣсни: „приснотекущаго Матерь Свѣта“, какъ названа здѣсь Богородица, Камаріотъ замѣчалъ, что слова эти обнаруживаютъ „невѣжественность“ писателя; ибо по разсужденію Константинопольскаго профессора, „не кстати здѣсь внесено слово: *приснотекущаго*, которое употребляется только въ рѣчи о влажной природѣ“. Само собой разумѣется, что Мануиль Коринѣскій являлся защитникомъ вышеуказанной церковной пѣсни, доказывая, что она по своему содержанию вполне соответствуетъ воззрѣніямъ Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина. Разбирая возраженія Камаріота, Мануиль, какъ бы дѣлая выводъ изъ своихъ разсужденій, говоритъ: „сильно скорбитъ душа моя, когда слышу, что мужъ тотъ нападаетъ на сочиненія святыхъ съ рѣчами не свободными отъ нѣкоей человѣческой страсти; потому что желая, можетъ быть, показать себя многостороннимъ, нападаетъ на такого рода простоту ихъ, а между тѣмъ ему слѣдовало бы поступать наоборотъ“¹⁾. Изъ вышеизложеннаго ирепирательства Мануила съ Камаріотомъ видно, что первый учитель патріаршей школы излагаемой эпохи отличался свободно-критическимъ умомъ, а второй учитель тойже школы твердо держался установившихся традицій. Доходили ли эти споры до ушей учениковъ разсматриваемой школы—мы не знаемъ, такъ какъ объ ученикахъ этихъ первыхъ учителей ничего неизвѣстно, даже численность ихъ не указана въ источникахъ.

Дальнѣйшее упоминаніе о патріаршей школѣ встрѣчаемъ въ срединѣ XVI-го вѣка. Патріархъ Діонисій II (1545—1555 г.) считается первымъ ревностнымъ покровителемъ ея послѣ временъ Геннадія Схоларія. Отъ Діонисія сохранилось письмо слѣдующаго содержания. „Діонисій, Божіею милостію вселенскій патріархъ, возлюбленному духовному сыну нашему Эрмодору Листарху. Что ты Грекъ и любитель мудрости, объ этомъ давно дошелъ слухъ до насъ, а теперь особенно отъ

¹⁾ Вышеуказанное сочиненіе Мануила Пелопонесца, стр. 3—6 8—10. 16—17.

митрополита Навплійскаго Михаїла Софіона. Не заботясь ни о чемъ, прѣзжай къ намъ, чтобы съ своими соотечественниками заниматься тѣмъ-же, чѣмъ ты добываешь средства къ жизни, пребывая среди латинянъ. Эти имѣютъ и другихъ учителей, Греки же еще нѣтъ. По справедливости болѣе заслуживаетъ похвалы поддерживающій то, что грозитъ паденіемъ; чѣмъ тотъ, кто держится около прочнаго и безопаснаго“. Здѣсь рѣчь идетъ о Эрмодорѣ Листархѣ, родомъ изъ Закинѳа. Этотъ Листархъ получилъ образованіе въ греческой гимназій въ Римѣ, а въ Феррарѣ изучалъ медицинскую науку. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Листархъ впоследствии занимался учительствомъ и медицинской практикой¹⁾. Его-то патріархъ и вызывалъ въ Константинополь. Но остается неяснымъ—для чего приглашалъ Діонисій Листарха: для того ли, чтобы преподавать медицину въ Константинополь, или же для того, чтобы принять на себя должность наставника въ патріаршей школѣ. Во всякомъ случаѣ не будетъ большою ошибкою принять послѣднее; потому что есть достаточныя данныя, удостовѣряющія, что названная школа при Діонисіи II вела свое дѣло достаточно правильно, почему наставникомъ въ ней могъ быть и Листархъ. По соображеніямъ Мануила Гедеопа, называющій ученый Грекъ могъ занять преподавательское мѣсто въ школѣ въ 1546—1547 году. А что патріаршая школа при Діонисіи не бездѣйствовала, объ этомъ удостовѣряетъ слѣдующее письмо, адресованное этому патріарху. Навплійскій протопапась (протопопъ) Николай прислалъ Діонисію II письмо въ которомъ говорилъ: „Ты приложилъ попеченіе о возстановленіи того, что другіе оставляли безъ вниманія по какой-то безпечности. Разумѣю открытіе и возстановленіе въ Константинополь богословскихъ наукъ. Ибо безъ этихъ наукъ мы чувствуемъ слѣпоту въ своихъ очахъ“²⁾. Но радость о возстановленіи школы скоро должна была превратиться въ печаль, ибо скоро начались смуты въ церкви Константинопольской и школа прекратила свое существованіе, кажется, при самомъ же Діонисіи. Къ счастью, преемникъ Діонисія II патріархъ Іоасафъ II (1555—1565 г.) приложилъ старанія о приведеніи школы въ возможный для

¹⁾ Гεδεών, σελ. 51

²⁾ Tugsoğaesia, 251—252. Малышевскаго. Мелетій Пигасть, стр 58 (примѣч.).

того времени порядокъ. Онъ считается стольже ревностнымъ покровителемъ школы, какъ и его предшественникъ. Изъ одного письма этого Иоасафа къ нашему Иоанну Грозному открывается, что служило цѣлю обученія въ патриаршей школѣ. Патриархъ писалъ: „тутъ учатся дѣти, иноки и міряне всякаго возраста, изъ коихъ съ Божіею помощію со временемъ и по многомъ тѣнаніи выйдутъ архіереи и научатся достойно пасти христіанъ, какъ бывало прежде при царяхъ благочестивыхъ“¹⁾. Изъ этихъ словъ Иоасафа II-го однакожь не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что школа патриаршая была школой духовной. Какъ кажется, патриархъ съ особеннымъ намѣреніемъ подчеркнулъ то обстоятельство, что школа могла готовить и лицъ духовныхъ. Онъ имѣлъ въ виду возможно больше заинтересовать русскаго царя патриаршей школой и побудить его къ большой щедрости подаваній на нужды патриархіи. Въ дѣйствительности разсматриваемая школа, какъ теперь была и послѣ оставалась школою общеобразовательною. Приводя въ порядокъ дѣла школы, патриархъ въ самый годъ своего вступленія на кафедру патриаршую, сталъ искать и нашелъ достойнаго преподавателя для этой школы. Изъ Навплин былъ вызванъ образованный Грекъ, очень извѣстный Иоаннъ Зигомала, у котораго нѣкогда слушалъ уроки и самъ Иоасафъ, вѣроятно въ сейчасъ названномъ городѣ, и который сталъ совѣтникомъ многихъ патриарховъ. Иоаннъ Зигомала, уже въ 1555 году занялъ должность преподавателя въ патриаршей школѣ; но онъ преподавалъ здѣсь не богословскія науки (которыя, кажется, въ XVI-омъ вѣкѣ и совсѣмъ не преподавались здѣсь), а былъ приглашенъ для обученія древне-греческому языку и греческой словестности²⁾. Да и самъ Иоасафъ въ вышеуказанномъ письмѣ къ Грозному слегка касаясь предметовъ преподаванія въ школѣ, въ числѣ ихъ не указываетъ богословія. Въ первое время по возобновленіи ученія въ школѣ, подъ руководствомъ Зигомалы, учениковъ въ ней было немного—15 человекъ. Какъ пошло дѣло дальше при этомъ же наставникѣ—свѣдѣній нѣтъ. Интересно, что въ цитируемомъ нами письмѣ Иоасафа къ нашему русскому царю го-

¹⁾ Малышевскаго. Мелетій Пигасъ, стр. 59.

²⁾ Turcograecia, pag 92, Γεδεών, σελ 53 56.

ворится, будто учителей въ школѣ въ это время было нѣсколько, а не одинъ, и будто на жалованье имъ требовалось не мало денегъ. Но изъ историческихъ свидѣтельствъ не видно, чтобы въ патриаршей школѣ временъ Іоасафа были какіе—нибудь еще другіе преподаватели кромѣ единственно самого Зигомалы. Да и трудно этого ожидать при томъ скудѣннн въ образованныхъ людяхъ, какое чувствовалось въ это время въ Константинополѣ. По словамъ Θεодосія Зигомалы, сына Іоанна Зигомалы, отецъ его вызванъ былъ въ Константинополь изъ Навплии потому, что въ бывшей столицѣ Византійскаго царства едва-ли кто могъ бы взяться за преподаваніе тѣхъ наукъ, которыя и стали излагать Іоаннъ Зигомала (*οὐδείς γὰρ ἦν σχεδὸν τότε ὁ διδάσκων ἑραμίιστα*) ¹⁾. Не можетъ не возбуждать недоумѣній и еще одно замѣчаніе, встрѣчающееся все въ томъ же письмѣ Іоасафа къ царю Іоанну. Здѣсь говорится о сдѣланномъ при этомъ патриархѣ какихъ-то расширеній зданій училищныхъ; „мы прибавили новыя келліи на училище“, писалъ Іоасафъ. Изъ этихъ словъ письма, по-видимому, слѣдуетъ заключать, что существовало зданіе училища еще до Іоасафа и что при содѣйствіи послѣдняго оно было значительно распространено. Но чтоже оказывается на самомъ дѣлѣ? Вотъ описаніе патриаршей школы и порядковъ въ ней, относящееся къ концу 70-хъ годовъ того-же XVI-го столѣтія. Мануиль Малакъ (преподаватель въ патриаршей школѣ) „уже старъ, учить дѣтей и юношей греческихъ въ маленькой и жалкой лачугѣ (*parvula et misera casa*), въ патриархін; питается же онъ сушеной рыбой, которая развѣшана въ классной комнатѣ и которую онъ самъ себѣ варитъ; промышленяетъ перепиской книгъ, а что добываетъ, то тратитъ на вино“ ²⁾. Вотъ какой видъ имѣла именуемая даже „академіей“, патриаршая школа, вскорѣ послѣ правленія Іоасафа II-го. Куда же дѣвались зданія школы, бывшія до этого патриарха и имъ будто бы распространенныя? Думать, какъ иногда это дѣлають, что будто рядомъ съ той школой, которая въ такомъ неприглядномъ видѣ изображается Герлахомъ (а это описаніе принадлежитъ ему) существовала въ то-же время

¹⁾ Турсогаесіа, 92

²⁾ Турсогаесіа, р 185 См наше сочиненіе „Истор Греко-восточной церкви подъ властію Турокъ“, 34—35 Томъ I Серг Посад, 1896

(въ 1578 г.) другая, болѣе благоустроенная, школа, какая созда-
лась при Іоасафѣ (миѣнне проф. Малышевскаго)¹⁾ не возможно,
потому что новѣйшій греческій писатель Мануиль Гедеоунъ,
при всемъ желаніи описать исторію патріаршей „Академіи“ въ
самыхъ блестящихъ чертахъ, сознается, что дѣйствительно эта
школа въ указываемое Герлахомъ время помѣщалась въ жал-
кой лачужкѣ²⁾. И это было когда-же? При знаменитомъ пат-
ріархѣ Іереміи II, при которомъ происходили продолжительныя
сношенія съ учеными Тюбингенскаго университета, а грече-
скіе ученые знакомили западный просвѣщенный міръ съ
греческою новѣйшею исторіей, литературой, языкомъ, ге-
ографіей, и когда съ запада приходили въ Константино-
поль образованные люди, чтобы узнать, что осталось здѣсь
отъ прежней славы и величія.. Невольно приходишь къ
мысли, что и раньше время Іереміи II-го патріаршая
школа помѣщалась тамъ же, гдѣ она помѣщалась при этомъ
патріархѣ, а рассказы о томъ, что школа при Іоасафѣ была
реставрирована и лучше устроена, представляются не бо-
лѣе, какъ своекорыстной риторикой. Замѣтимъ кстати; если
жалкимъ и достойнымъ презрѣнія кажется учитель пат-
ріаршей школы время Іереміи II—Мануиль Малаксъ, то,
къ несчастію, немногимъ лучше обрисовывается современни-
ками и Іоаннъ Зигомала, — наставникъ той-же школы при
Іоасафѣ II-омъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,
но объ Іоаннѣ Зигомалѣ у насъ должна пойти нарочитая
рѣчь впослѣдствіи.—Въ концѣ XVI-го вѣка патріаршая школа
совсѣмъ заустѣла³⁾; даже времена извѣстнаго Мелетія
патріарха Александрійскаго, бывшаго въ концѣ этогоже вѣка
мѣстоблюстителемъ Константинопольскаго патріаршаго пре-
стола (1597—1599 г.), не составляютъ исключенія.

Семнадцатый вѣкъ въ исторіи патріаршей школы начался
очень не блестяще. Патріархъ Константинопольскій Рафаилъ
II (1603—1607 г.) принималъ было мѣры къ водворенію по-
рядка въ названной школѣ, но его старанія не имѣли ус-
пѣха. Ему не удалось сдѣлать что-либо существенное для
того, чтобы „разогнать мракъ, облакающій Грековъ“⁴⁾. Поло-

1) „Мелетій Пигасть“, 60.

2) *Γεδεών, σελ.* 68.

3) *Ibid*, 73

4) *Ibid*, 71—72.

женіе школьнаго дѣла улучшается съ тѣхъ поръ, какъ дѣлается (съ 1612 г.) Константинопольскимъ патріархомъ знаменитый Кириллъ Лукарисъ, человѣкъ получившій хорошее западное образованіе. При немъ и по его приглашенію преподаваніе въ патріаршей школѣ принялъ на себя Теофиль Коридаллей. Коридаллей родился въ Аѳинахъ, учился въ Венеціи и въ Падуѣ, потомъ былъ преподавателемъ въ греческой гимназіи въ Венеціи, а впослѣдствіи и въ Аѳинахъ; онъ славился философскимъ образованіемъ. Началъ учительствовать въ патріаршей школѣ около 1629 года и продолжалъ нести эту должность до смерти Лукариса (1638 г.). Затѣмъ онъ долженъ былъ оставить школу, такъ какъ противъ него и его покойнаго покровителя Лукариса поднялись обвиненія въ приверженности къ протестантскимъ доктринамъ¹⁾. Столь же выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для школы оказался и преемникъ Коридаллея—Іоаннъ Каріофилъ, его ученикъ въ патріаршей школѣ. Онъ сдѣлался преподавателемъ въ этой школѣ съ 1641 или 1642 года до 1665—довольное долгое время. О учености и дарованіяхъ Каріофила можно находить много похвальныхъ отзывовъ. И этотъ учитель школы, какъ и его предшественникъ, подвергся обвиненію въ усвоеніи протестантскихъ воззрѣній²⁾. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что и Коридаллей и Каріофилъ и въ самомъ дѣлѣ были склонны и благопріятно относились къ протестантизму; но ни изъ чего не видно, что они злоупотребляли своимъ положеніемъ преподавателей школы и увлекали своихъ учениковъ на сторону протестанства. Вѣроятно, они, подобно самому Кириллу Лукарису, человѣку не сомнѣнно приверженному къ протестанству, умѣли отличать свое личное дѣло—симпатизированіе новому западному вѣроученію—отъ официальнаго дѣла и служенія. По крайней мѣрѣ намъ не приходилось встрѣчать въ извѣстіяхъ какихъ либо упрековъ Коридаллею и Каріофилу за ихъ школьное преподаваніе. Преемникомъ Каріофила въ учительствѣ въ разсматриваемой школѣ былъ человѣкъ очень знаменитый среди Грековъ XVII вѣка—Александръ Маврокордато, учившійся въ разныхъ западныхъ школахъ—римскихъ, падуанскихъ и пр., а потомъ занявшій очень вид-

¹⁾ Ibid., 74—75 77.

²⁾ Ibid., 87—88.

ный и вліятельный постъ въ турецкой администраціи—должность великаго драгомана. Преподавателемъ онъ быть не долго, но оставилъ по себѣ прочный слѣдъ въ патріаршей школѣ, сдѣлавшись для нея ревностнымъ покровителемъ 1). Конецъ вѣка, къ сожалѣнію, ознаменовался безпорядками въ школѣ—и виновниками этихъ безпорядковъ были ея питомцы. До насъ сохранилось нѣсколько писемъ того времени, изъ которыхъ видно, что ученики поднимали бунты противъ своихъ учителей—Герасима (Акарнана) и Севаста (Киминита). Въ одномъ письмѣ Каріофила, относящемся къ 1683 году, читаемъ: „здѣшняя школа (т. е. патріаршая) въ постоянномъ волненіи и полномъ безпорядкѣ. Ученики ея возмущались противъ Герасима, осыпая его оскорбленіями. Нагло, съ важностію они говорятъ, что имѣютъ силу удалять и принимать учителей“. Въ другомъ письмѣ нѣкто Спандони въ 1681—2 году писалъ: „возмущившіеся противъ васъ (Севаста) съ Герасимомъ, теперь уже три раза возставали противъ этого послѣдняго и разными нелѣпыми клеветами добились его удаленія“ 2). Послѣ этихъ безпорядковъ школа закрылась и оставалась въ запустѣніи до конца XVII-го вѣка 3).

Другихъ какихъ-либо подробностей о школѣ патріаршей за періодъ XVII-го вѣка мы знаемъ очень мало. Есть указаніе, что въ 1663 году въ школѣ было всего 12 учениковъ. Въ этомъ вѣкѣ изъ числа ея учениковъ одинъ былъ патріархомъ—это Діонисій IV (1671—2 г., первое патріаршествованіе). Жалованье учителя школы до 1691 года получали отъ богатаго Грека Манолаки касторіица, отличавшагося любовію къ просвѣщенію и основавшаго нѣсколько греческихъ школъ въ разныхъ мѣстахъ 4).

Патріаршая школа, запустѣвшая въ послѣдней четверти XVII-го вѣка, съ наступленіемъ слѣдующаго вѣка снова призывается къ жизни, этимъ она обязана патріарху Гавріилу III-ему (1703—1707 г.). Антоній Византіецъ въ похвальной рѣчи этому патріарху въ 1705 г. между прочимъ гово-

1) Ibid. 104—105.

2) Ibid. 101.

3) Ibid. 113. 115

4) Ibid, 93 117 127—128.

рилъ: „такъ какъ Ваше блаженство возстановили убѣжище для науки, назначивъ учителей, свободныхъ отъ всякаго другаго труда, чтобы обученіе приносило пользу, причемъ Вы не щадили денегъ и издержекъ, то мы обязаны Вамъ вѣчною благодарностію, мы видимъ въ лицѣ вашего блаженства попечителя и покровителя относительно того, что считается у людей самымъ лучшимъ и почетнымъ—просвѣщенія“¹⁾“. Изъ ряда преподавателей патриаршей школы въ теченіе всей первой половины XVIII-го вѣка едва ли можно указать хоть на одного, который выдѣлялся бы особенными талантами и богатствомъ знаній. Правда, одинъ изъ учителей школы разсматриваемаго времени Іоаннъ Леебосецъ († 1753 г.) получилъ очень почетный титулъ „ипата философовъ“, но, какъ кажется, не за свои преподавательскіе успѣхи, а благодаря сильной протекціи²⁾. Хотя кратковременно, но цвѣтущаго состоянія патриаршая школа достигла лишь при патриархѣ Серафимѣ (1757—1761 г.), когда во главѣ школы сталъ извѣстный греческій ученый Евгеній Булгарисъ. Въ это время въ патриаршей школѣ появляется одновременно четыре наставника. Евгеній Булгарисъ взялъ на себя преподаваніе богословія, Дороею Лесбосцу поручено было изложеніе философіи, Критій сталъ преподавать риторику, а Ананія Антипарій (т. е. антипаросецъ) вель логическія упражненія (*τὰς λογικὰς τέχνας*). Изъ всѣхъ этихъ учителей выдѣляется своими достоинствами впрочемъ единственно глава школы Евгеній Булгарисъ. Онъ родился въ Коркирѣ, высшее образованіе получилъ въ Падуѣ, гдѣ изучалъ богословіе и философію, затѣмъ былъ учителемъ въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ. Въ 1753 году былъ назначенъ главнымъ наставникомъ въ такъ называемую Аѳонскую Академію (о которой подробнѣе будемъ говорить ниже), и по закрытіи которой былъ вызванъ патриархомъ Серафимомъ въ наставники патриаршей школы. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Евгеній выѣхалъ въ Россію и здѣсь былъ сдѣланъ архіепископомъ Херсонскимъ (съ именемъ архіепископа „Славянскаго“) и скончался въ глубокой старости (1806 г.)³⁾. Булгарисъ

¹⁾ Ibid., 115—116

²⁾ Ibid., 140.

³⁾ *Γεθελών*, 153. 161—2. 165. Sathas. Bibliotheca Graeca Tom III, p. 229 (изъ церковной исторіи Макрея). Венеція, 1872

былъ и остается предметомъ общихъ восторговъ для Грековъ. Мануиль Гедeonъ говоритъ: „рядомъ съ Евгеніемъ я не могу поставить никого изъ послѣдующихъ ученыхъ“. Историкъ Константинъ Кума называлъ его вторымъ Платономъ. Иаковаки Ризосъ писалъ о Евгеніи: „обогащенный всѣми научными знаніями того времени, Булгарисъ обладалъ обширнымъ умомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ мужей, которые рождаются съ способностями ко всѣмъ отраслямъ образованія; всѣ научные труды имъ написаны на древне-греческомъ языкѣ“¹⁾. Неудивительно, если подъ руководствомъ Булгариса патриаршая школа получила громкую извѣстность. Историкъ Сергій Макрей, современникъ и ученикъ Булгариса, въ чувствѣ благоговѣнія предъ этимъ славнымъ мужемъ, говоритъ, что при немъ та часть квартала Фанара, гдѣ помѣщалась школа, превратилась въ „Аѳинополь“²⁾. Но къ сожалѣнію, Аѳинополь просуществовалъ только 17 мѣсяцевъ! Такъ много общала школа, руководимая Булгарисомъ и такъ скоро отжила свои дни! Непостижимая превратность судьбы! Въ Апрѣлѣ 1761 года Евгеній покинулъ школу. Отчего это такъ случилось—разъяснить дѣло предоставимъ Мануила Гедeonу. Этотъ историкъ „патриаршей Академіи“ пишетъ: „вслѣдствіе несогласія, возникшаго между однимъ изъ эфоровъ (блюстителей школы), митрополитомъ Адрианопольскимъ Діонисіемъ (очевидно членомъ синода Константинопольскаго) и другими его сотоварищами—эфорами, а также вслѣдствіе неаккуратности въ уплатѣ жалованья, Евгеній оставилъ Академію“. Впрочемъ вслѣдъ за этимъ Гедeonъ старается дать понять, что не эти обстоятельства вызвали катастрофу. „Истинною же причиною разстройства школы было низложеніе съ кафедры патриарха Серафима, который любилъ Евгенія, тогда какъ его преемникъ Іоаннікій III не удостоивалъ мудраго мужа никакого вниманія. Такъ же поступалъ и вскорѣ замѣнившій Іоаннікія патриархъ Самуиль, ибо этотъ послѣдній, будучи поклонникомъ Аристотеля, отрицательно относился къ мыслямъ Евгенія, усматривая въ нихъ новшество“³⁾. (А Болга-

¹⁾ Γεδεών, 167.

²⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, 229.

³⁾ Γεδεών, 162—163

рисъ, нужно сказать, по увѣренію греческихъ писателей быть приверженцемъ новѣйшей философіи.) Какъ бы то ни было звѣзда патріаршей школы съ удаленіемъ изъ нея Булгариса—померкла.—Изъ послѣдующихъ наставниковъ патріаршей школы XVIII-го вѣка остановимся своимъ вниманіемъ лишь на Сергіи Макреѣ, какъ наиболѣе замѣчательномъ. Получивъ основательное первоначальное образованіе, Макрей потомъ слушалъ уроки по части высшихъ наукъ частію въ Аѳонской академіи, частію въ патріаршей школѣ въ Константинополѣ, въ томъ и другомъ случаѣ подъ руководствомъ знаменитаго Булгариса, между 1777 и 1801 годами, хотя и съ перерывами, онъ состоялъ преподавателемъ философскихъ и словесныхъ наукъ въ патріаршей школѣ. Эту должность онъ проходилъ съ большею честію ¹⁾. Впрочемъ Макрей не отличался глубиною и широтою научныхъ воззрѣній. Его „Церковная исторія“, описывающая вторую половину XVIII-го вѣка греческой церкви, показываетъ въ немъ человѣка недостаточно понимающаго задачи историка ²⁾; а его опасливое и даже отрицательное отношеніе къ успѣхамъ современной ему науки свидѣтельствуеетъ, что Макрей руководился больше всего рутинной (со взглядомъ его на науку познакоимся подробнѣе нѣсколько позже).

Изъ внутренней жизни патріаршей школы XVIII-го вѣка мы владѣемъ нѣкоторыми свѣдѣніями, не лишенными значенія и довольно любопытными. Около середины вѣка Константинопольская патріархія издала что-то въ родѣ устава школы (повидимому, что былъ не первый уже уставъ). Уставъ этотъ составленъ, преждеупомянутымъ нами, учителемъ школы Дороеемъ Лесбосцемъ и изданъ былъ въ началѣ 1748 года. Въ немъ говорится о двухъ отдѣленіяхъ школы—философскомъ и словесномъ и сообразно съ этимъ опредѣлено было имѣть двухъ учителей школы (какъ, вѣроятно, бывало и раньше). Обыкновенно одинъ изъ учителей школы носилъ наименованіе схоларха (начальника), ему поручалось наблюденіе за преподаваніемъ, за поведеніемъ учениковъ и управленіе хозяйственною частію. — Вышеуказан-

¹⁾ Ibid., 177—178.

²⁾ См подробности о церковной исторіи Макрея въ нашей „исторіи Грековосточной церкви подъ властію Турокъ“, стр. 69—73

ное философское отдѣленіе школы имѣло превратную судьбу въ теченіе разсматриваемаго вѣка: оно то открывалось, то закрывалось. Послѣ своего открытія по уставу 1748 года оно скоро прекратило свое существованіе. Опять оно было восстановлено при патріархѣ Серафимѣ (1759—1760 г.), когда вызванъ былъ для занятія должности наставника въ патріаршей школѣ—Булгарисѣ. Но оно опять было закрыто, спустя мѣсяць послѣ паденія этого патріарха (1761 г.). Снова призвано было къ жизни философское отдѣленіе въ 1777 году, въ правленіе патріарха Софронія II-го. Но къ концу вѣка научное положеніе патріаршей школы вообще пошатнулось; намъ говорятъ, что въ это время: „философія ея упала“, мало того: даже „грамматика (словесное отдѣленіе) была въ пренебреженіи“. По поводу упадка словеснаго отдѣленія Макрей въ одномъ письмѣ въ 1795 доду писалъ: „теперь трое учать грамматикѣ, но они не стоятъ и одного“¹⁾.

Число учителей въ школѣ патріаршей XVIII-го вѣка было не одинаково. Судя по штату 1748 года, сначала ихъ было только двое, но потомъ составъ ихъ значительно увеличился. Въ правленіе патріарха Серафима, при Булгарисѣ, одновременно съ нимъ дѣйствовали четверо учителей. Но мы думаемъ, что общее количество учителей школы въ это время было значительно больше, ибо по всѣмъ вѣдомостямъ четверо наставниковъ во главѣ съ Булгарисомъ преподавали въ философскомъ отдѣленіи школы, а словесное или грамматическое существовало особо и требовало особыхъ учителей. Послѣ число учителей иногда сокращалось, наприм. изъ вышеприведеннаго письма Макрея видно, что въ словесномъ отдѣленіи, по закрытіи философскаго, въ концѣ вѣка было трое учителей. Въ патріаршей школѣ первой половины вѣка въ юности учился у Досиѣея Лесбосца патріархъ Константинопольскій Самуилъ²⁾.

Можно составлять достаточное понятіе и о направленіи преподаванія въ патріаршей школѣ XVIII-го вѣка. По увѣренію Гедеона, Евгений Булгарисъ знакомилъ своихъ слушателей съ новѣйшими учеными теоріями, въ особенности по части философіи, но въ послѣдствіи дѣло пошло иначе, т. е.

¹⁾ Γεδεών, 134. 152—4. 203.

²⁾ Ibid., 148. Cont 201—202.

по старому. „Къ несчастію, говоритъ тотъ же самый Гедeonъ, новѣйшія начала знанія и теоріи послѣ Булгариса до XIX-го вѣка не имѣли доступа въ школу“. Въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующіе выпуклые факты. Когда въ 1794 году вышелъ греческій переводъ книги Фонтенелла „о множествѣ міровъ“, то Макрей сильно вооружился противъ этой астрономической системы, изъ боязни въ случаѣ принятія ея, „впасть въ противорѣчіе книгѣ I. Навина съ ея пзвѣстнымъ повѣствованіемъ о чудесной пріостановкѣ движенія солнца и луны. Греческій ученый Константинъ Кума къ этому еще прибавляетъ, что возрѣнія Макрея сходились съ возрѣніями Аѳанасія Паросца (современника Макреева), который, считая новую философію пагубной для благочестія, возставалъ противъ нея и противъ астрономіи. Хотя онъ и слушалъ Булгариса на Аѳонѣ, но объявлялъ непримиримую войну западнымъ наукамъ. „Кто побывать въ Европѣ, тотъ, по Аѳанасію, становился безбожникомъ“. Математика, по нему же, служила источникомъ атеизма, первымъ выраженіемъ котораго было отверженіе постовъ ¹⁾. Разумѣется для XVIII-го вѣка подобные взгляды являются несомнѣннымъ анахронизмомъ. А школа, державшаяся ихъ, должна быть признана отсталюю, какою, ни мало не сумнясь, признаетъ ее и Мануиль Гедeonъ.

Внѣшнее состояніе патріаршей школы въ XVIII-омъ вѣкѣ значительно улучшилось. По догадкамъ Гедeона, въ первой половинѣ этого вѣка были перестроены зданія училища. Пренія зданія пришли въ такую ветхость, что, какъ жаловались учителя и ученики училища патріарху (неизвѣстному по имени), они (зданія) угрожали паденіемъ. Въ виду этого патріархія озаботилась построить новое зданіе для помѣщенія учениковъ и учителей и для классовъ. Матеріальное положеніе какъ учителей, такъ и учениковъ въ разное время столѣтія также измѣнилось на много къ лучшему. Въ 1748 году ко времени изданія устава школы, училище располагало незначительными доходами, получаемыми отъ двухъ константинопольскихъ церквей, причемъ опредѣлено было, чтобы съ возрастаніемъ расходовъ и другіе храмы приходили на помощь школѣ. Но дѣйствительное упроченіе

¹⁾ Ibid, 166 248.

матеріальнаго состоянія школы произошло только въ правленіе патріарховъ Серафима II-го и Самуила. Благодаря воззванію, съ которымъ Серафимъ обратился къ архіереямъ патріархата, послѣдніе собрали значительную сумму на нужды школы, которая и была представлена въ патріархію. А патріархъ Самуиль побудилъ господарей Молдавіи и Валахій (они были фанариоты) ежегодно присылать на потребности школы опредѣленную и довольно значительную сумму; эту субсидію, согласно обѣщанію господарей, константинопольская школа имѣла получать „непрерывно и неизмѣнно и на все послѣдующее время“. Что касается матеріальнаго положенія учениковъ школы, то оно еще въ самомъ началѣ XVIII-го вѣка нашло себѣ покровителей. Такъ извѣстный греческій вельможа Александръ Маврокордато вложилъ въ общее казнохранилище Великой церкви капиталъ, проценты съ котораго должны были идти на вспомошествованіе недостаточнымъ ученикамъ— „на необходимое прокормленіе и отопленіе“, причѣмъ каждому стипендіату ежегодно выдаваемо было по 20 грошей (?). Положеніе о стипендіяхъ Маврокордато скрѣплено было патріаршимъ и синодальнымъ опредѣленіемъ въ 1709 году. Стипендіями стало пользоваться 18 учениковъ. За это пожертвованіе, а равно и за другія услуги греческому просвѣщенію со стороны рода Маврокордатовъ Макрей именуется ихъ Медичисами Греціи ¹⁾.

Изъ многихъ, хотя и неполныхъ свѣдѣній, касающихся исторіи патріаршей школы XIX-го вѣка, ограничимся немногими. Изъ наставниковъ школы этого времени заслуживаетъ вниманія историка Дороей Проій (*Πρόιος*). Въ санѣ діакона онъ изучалъ философію въ Пизѣ и Флоренціи, въ 1792 году посѣтилъ Францію, гдѣ познакомился съ Руссо и Лавуазье. Отсюда побывалъ въ Англии, Бельгій, и прошелъ Венгрію, Болгарію и Македонію, возвращаясь обратно. Такимъ образомъ прошедши всю Европу, онъ занимался въ тамошнихъ школахъ преимущественно философіей. Былъ потомъ учителемъ физико-математическихъ наукъ на о. Хіосѣ, откуда онъ однакожъ удалился въ Константинополь, видя враждебное отношеніе къ новымъ теоріямъ, которыя онъ старался пересадить на греческую почву. Въ Константино-

¹⁾ Ibid., 149. 151 229—230

полѣ, въ патриаршей школѣ, онъ занялъ кафедру философіи и богословія, оставаясь здѣсь съ 1803 г. до 1807. Наконецъ онъ получилъ санъ архіерейскій и уѣхалъ въ свою епархію ¹⁾. Другимъ замѣчательнымъ наставникомъ той-же школы былъ Стефанъ Дугка. Онъ родился въ Тырновѣ, впоследствии изучалъ математику и философію въ нѣмецкихъ городахъ—Галлѣ, Геттингенѣ и Іенѣ, былъ слушателемъ по части философіи у знаменитаго Шеллинга. По возвращеніи въ Турцію, онъ былъ наставникомъ въ патриаршей школѣ, но учительствовалъ только въ продолженіи одного года (1809—1810), „не будучи въ состояніи (по выраженію К. Кумы) перенести многочисленныхъ интригъ“. Затѣмъ, получивъ приглашеніе отъ молдавскаго господара Скарлата Каллимаха, прибылъ въ Яссы, гдѣ и былъ сдѣланъ преподавателемъ философіи въ Лицеѣ. Пребывая въ Яссахъ, Дугка занимался сочиненіемъ о соглашеніи естественно-историческихъ знаній съ богословіемъ, но обвиненный въ томъ, что вводитъ новое ученіе, вынужденъ былъ представить Константинопольской патриархіи свое исповѣданіе вѣры. Умеръ онъ въ 1830 г. ²⁾. Видное мѣсто въ ряду наставниковъ изучаемой школы занимаетъ Константинъ Кума, авторъ „Исторіи человѣческихъ дѣяній“. Онъ родился въ Лариссѣ, для пріобрѣтенія высшаго образованія отправился въ Вѣну, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ изучалъ философію и математику. Послѣ того онъ былъ приглашенъ въ учителя греческой гимназіи въ Смирнѣ. Въ 1814 г. онъ дѣлается наставникомъ и схолярхомъ въ патриаршей школѣ, но въ слѣдующемъ году отказывается отъ должности по нѣкоторымъ непріятностямъ. Отъ него сохранились извѣстія о внутреннемъ состояніи данной школы. Стоитъ упомянуть также о наставникѣ и схолярхѣ этой школы, Николаѣ Логадисѣ. Онъ не отличался особенно блестящимъ образованіемъ, но его значеніе состоитъ въ томъ, что онъ очень долго учительствовалъ и управлялъ въ школѣ, хотя и съ перерывами, именно съ 1804 года до 1835 года, когда онъ скончался ³⁾. Въ слѣдующее время во главѣ патриаршей „Академіи“ въ качествѣ схоларховъ (и учителей

¹⁾ Ibid., 179—180

²⁾ Ibid., 183—184.

³⁾ Ibid., 187—188. 191—192

вмѣстѣ) видимъ частію іеродіаконовъ, а большую частію архимандритовъ, т. е. вообще лицъ священнаго сана. Изъ числа ихъ было бы не справедливо не упомянуть съ особенной похвалою о знаменитомъ архимандритѣ Филоеѣ Вріенніи. Вріенній родился въ Константинополѣ въ 1833 году. Былъ сынъ бѣдныхъ родителей; но таланты его обратили на себя вниманіе нѣкоторыхъ архіереевъ, которые и опредѣлили его въ Халкинскую духовную школу. Въ ней онъ блистательно кончилъ курсъ. Затѣмъ онъ нашелъ себѣ поддержку въ одномъ греческомъ банкирѣ Стамбула, и на средства его совершилъ 4-хъ лѣтнее ученое путешествіе, побывавъ въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ. Сначала онъ состоялъ наставникомъ церковной исторіи въ Халкинской школѣ, а въ 1867 году онъ назначенъ былъ въ санъ архимандрита схолархомъ патриаршей „Академіи“, въ каковой должности и оставался до 1875 г. Въ этомъ году Вріеннію опять удалось предпринять путешествіе за границу, гдѣ онъ свелъ знакомство съ учеными англичанами, посѣтилъ Парижъ и Вѣну. Возвратившись на родину, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ Никомидійскимъ. Вріенній, какъ извѣстно знаменитъ тѣмъ, что открылъ и напечаталъ полный текстъ I-го и II-го посланія Климента римскаго къ Коринѳянамъ—въ оригиналѣ, и надѣлавшее столько шума: „Ученіе 12-ти Апостоловъ“—*Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων*, памятникъ начала II-го вѣка. Свои открытія Вріенній сдѣлалъ въ такъ называемой святогробской библиотекѣ, находившейся въ Константинополѣ. Посланія Климента онъ издалъ въ 1875 г., а „Ученіе 12-ти“ въ 1883 г. За свои замѣчательныя открытія митрополитъ Никомидійскій получилъ степень доктора Богословія отъ двухъ университетовъ—Аѳинскаго и Единбургскаго. Изумленіе и восторгъ, какія возбудило въ ученномъ мірѣ открытіе „Ученія 12-ти“—неописуемы. Европейская и Американская печать всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій сообщила извѣстія о знаменательной находкѣ и перепечатала греческій текстъ памятника, сопровождая его переводомъ и комментариемъ. Таковъ былъ одинъ изъ схоларховъ „Академіи“. Вріенній здравствуетъ и по сіе время.

Изъ внутренней жизни патриаршей школы XIX-го вѣка отмѣтимъ слѣдующее. Число учениковъ въ началѣ столѣтія очень возросло. При Дороеѣ Проіи ихъ было 160, при

Кумѣ 100, а потомъ быстро стало упадать, наприм. въ 1820—25 годахъ осталось лишь 18. По словамъ Кумы, архонтовъ ничто не привязывало къ школѣ; никто изъ нихъ не посылалъ въ нее своего сына, а каждый имѣлъ домашняго учителя. Поэтому ученики патриаршей школы въ его время были не изъ Константинополя, а изъ разныхъ мѣстъ Европы и Азіи. Впослѣдствіи дѣло получило нормальное теченіе.—Изъ наукъ въ продолженіе всего курса (4-хъ лѣтняго) кромѣ древне-греческаго языка съ присоединеніемъ чтенія классическихъ авторовъ, изучались—алгебра, тригонометрія, коническія сѣченія, физика, риторика, метафизика, а въ заключеніе астрономія (?) и богословіе. Программа довольно широкая для сравнительно краткосрочнаго курса. Обученіе велось на древне-греческомъ языкѣ. Издавая въ 1766 году логику, Булгарисъ вышучивалъ народный языкъ; послѣ этого наставники патриаршей школы стали преподавать и писать на древне-греческомъ языкѣ.—Поведеніе учениковъ не всегда было похвальнымъ. Въ то время, когда схолярхомъ былъ Кума, учениковъ было около 100. Многие изъ нихъ не имѣли средствъ, и однако не отличались, по его словамъ, ни скромностію, ни порядочностію. Такъ какъ они все жили въ школѣ, то для подавленія безпорядковъ иногда нужно было прибѣгать къ содѣйствию полиціи ¹⁾. Разумѣется, недостатки, какіе замѣчались въ школѣ въ началѣ столѣтія, съ теченіемъ времени были устранены.—Въ школѣ появляется и бібліотека. Она возникаетъ во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, въ XIX-омъ же вѣкѣ значительно пріумножается частными цѣнными пожертвованіями. Въ 1830 году бібліотека заключала въ себѣ 568 томовъ на греческомъ языкѣ и 840 на иностранныхъ языкахъ. Само собою понятно, съ тѣхъ поръ она увеличилась на много разъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ появляется и особое лице, завѣдующее ею—библіотекаръ ²⁾.

Зданія патриаршаго училища по внѣшней ихъ сторонѣ еще и въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка не отличались благоприличіемъ. Они были и „сыры, и грязны, и неумыты“, пребываніе въ нихъ на свѣжаго челоуѣка нагоняло „тоску“. Но

¹⁾ *Γεδεών*, 217—219 247—248

²⁾ *Ibid*, 237—238

эта неблагоустроенность послѣ 60-хъ годовъ отошла въ область воспоминаній. Въ началѣ 80-хъ годовъ (по выраженію Гедеона, сообщающаго о таковомъ событіи въ 1883 г.: *μὲν οὖν*) патріаршая „Академія“ заняла помѣщеніе, которое названный авторъ смѣло величаетъ „дворцемъ“ ¹⁾. А каковъ этотъ дворецъ, для нагляднаго представленія о предметѣ, авторъ въ началѣ своей книги: „хроника патріаршей Академіи“ помѣщаетъ рисунокъ сооруженія, съ надписью: „новое зданіе патріаршей великой народной школы“.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Антонова архим „Изъ Румели“, стр 275.